

Политическая элита как метафора культуры: рассуждения о современной России

Александр Владимирович Скиперских

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, Елец, Россия, pisatels@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8587-7415>

Аннотация

Введение. Политическая элита каждой страны должна являться ориентированной на государство и ценности, которые для него являются базовыми. Любое государство формирует свой суверенитет в результате продолжительной борьбы за право быть собой, за право соответствовать собственной истории и культуре. В полной мере это можно сказать и о современной России. В первую очередь, образчиком соответствия государственных ценностных ориентаций должна выступать политическая элита государства.

Целью исследования является оценка потенциала российской политической элиты с точки зрения её культурных оснований и традиций. С точки зрения автора, именно они выступают её своеобразным цивилизационным потенциалом. Культурный бэкграунд российской политической элиты создаёт условия для противостояния текущим вызовам, открывающимся перед Россией как государством-цивилизацией.

Методологическая основа представлена институциональным методом, показывающим возможности политической элиты выступать институтом политической системы, а также неинституциональным методом, акцентирующим внимание на формальных и неформальных практиках элитного конструирования и коммуникации. Обращение к сравнительно-историческому подходу позволяет изучить преемственность между практиками соподчинения внутри правящего класса России.

Результаты исследования позволяют увидеть прямую связь между политической ситуацией, складывающейся в России и состоянием культуры. С точки зрения автора, политические выборы представителей правящего класса современной России на всех уровнях политики, так или иначе, обусловлены культурным капиталом и связываются с неким культурным обременением. Среди таковых автор обнаруживает страх, двуязычие, протяжённость во времени и особый политический стиль. Представители политической элиты современной России оказываются обусловлены данными феноменами. Культура, выступающая своеобразной формой, проецируется на процесс принятия политических решений элитой. Культура определяет политические практики, выступая своеобразной рамкой, позволяющей предвосхищать дальнейшие практики элитного строительства в современной России.

Выводы настоящего исследования заключаются в том, что политическая элита России развивается в специфической культурной рамке. Накопленный исторический и культурный опыт выступает базовой и достаточно жёсткой установкой, предопределяющий дальнейшие траектории элитного строительства. Цивилизационное соответствие элиты обеспечивается в целом в тот момент, когда выбирается консервативный сценарий и акцентируется внимание на инверсионных возможностях политической системы. С другой стороны, на отдельных примерах, кажется, что более предпочтительным выбором для некоторых представителей политического класса современной России является глобальный, транснациональный или трансграничный выбор.

Ключевые слова: власть, иерархии, политические элиты, Россия, Российская империя, русская культура, СССР, элиты, цивилизационные ценности

Для цитирования: Скиперских А. В. Политическая элита как метафора культуры: рассуждения о современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2026. № 3. С. 156–164. EDN MOEGJH

Original article

The political elite as a metaphor of culture: reflections on contemporary Russia

Aleksandr V. Skiperskikh

Bunin Yelets State University, Yelets, Russia,
pisatels@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8587-7415>

Abstract

Introduction. The political elite of every country must be oriented toward the state and its fundamental values. Any state develops its sovereignty through a protracted struggle for the right to be itself, for the right to reflect its own history and culture. This is equally true of modern Russia. First and foremost, the state's political elite must serve as a model for the alignment of state value orientations.

The **purpose** of study is to assess the potential of the Russian political elite from the perspective of its cultural foundations and traditions. According to the author, these constitute its unique civilizational potential. The cultural background of the Russian political elite creates the conditions for confronting the current challenges facing Russia as a state-civilization.

The **methodological framework** of the study is based on An institutional method, which demonstrates the political elite's ability to act as an institution within the political system, and a neo-institutional method, which focuses on the formal and informal practices of elite construction and communication. A comparative historical approach allows us to study the continuity between subordination practices within Russia's ruling class.

Results. The study reveal a direct link between the political situation unfolding in Russia and the state of culture. According to the author, the political choices of representatives of the ruling class in modern Russia at all levels of politics are, in one way or another, conditioned by cultural capital and are associated with a certain cultural burden. Among these, the author identifies fear, bilingualism, time-consuming behavior, and a particular political style. Representatives of the political elite in contemporary Russia are shaped by these phenomena. Culture, acting as a unique form, is projected onto the elite's political decision-making process. Culture defines political practices, serving as a unique framework that allows for the anticipation of future elite-building practices in contemporary Russia.

Conclusions. Research suggests that Russia's political elite develops within a specific cultural framework. Accumulated historical and cultural experience serves as a fundamental and rather rigid framework, predetermining the future trajectories of elite development. The elite's civilizational conformity is generally ensured when a conservative scenario is chosen and attention is focused on the inversion potential of the political system. On the other hand, individual examples suggest that a global, transnational, or transborder option appears preferable for some representatives of the political class in contemporary Russia.

Keywords: power, hierarchies, political elites, Russia, Russian Empire, Russian culture, USSR, elites, civilizational values

For citation: Skiperskikh A. V. The political elite as a metaphor of culture: reflections on contemporary Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2026;(3):156–164. (In Russ.). EDN MOEGJH

Введение

Высокая изменчивость и турбулентность социально-политических процессов, захватывающая практически все государства мира, приводит к росту геополитической напряжённости и умножению количества военных противостояний и столкновений по линиям цивилизационных разломов [1]. При этом усиливается общественный запрос на политических акторов, обладающих должным запасом легитимности и, в связи с этим, способных выступать в качестве авторитетных интерпретаторов и терапевтов, способных успокаивать общественные слои и нейтрализовывать накапливающийся потенциал недовольства. Необходимость наличия обратной связи оказывается важным фактором формирования доверия к представителями власти. Нужно понимать, что наращивание напряжённости во многом объясняет выбор в пользу мобилизационного сценария, предполагающего значительное сокращение гражданских и политических свобод, экономию расходов, ограничение в коммуникации, что, по сути дела, не связывалось с благами общества потребления. В полной мере это касается и ситуации в современной России. В какой степени к таким последствиям современных цивилизационных вызовов сегодня готовы россияне, в целом, и, в частности, представители российской политической элиты?

Теоретические основы

Политическая элита является элементом институтом политической системы. Находясь внутри системы, элита принимает существующие в системе «правила игры» и подчиняется режиму функционирования самой системы. Политическая элита не может превозмочь режим, в котором работает сама система, отсюда, она должна максимально подстраиваться под него. В то же время, элита выступает достаточно замкнутой группой, способной длительное время поддерживать у своих членов ощущение избранности и причастности к творимой истории. Учитывая тот факт, что опыт политического управления равен опыту государства как такового, элита может по полному праву рассматривать и как важнейший институт политической системы. Таинства конструирования политической элиты раскрываются с помощью институционального метода. Как отмечает Д. Мейзел, элиту как институт политической системы характеризует наличие особой спаянности, сознания и возможности сговариваться ради сохранения текущей позиции [2, с. 4].

Элита понимается в тесной связи с цивилизационным контекстом, и в связи с этим обладает некоей миссией по стабилизации ситуации. Представлять государство по определению должны лучшие люди. В частности, российские исследователи А. Понеделков, А. Старостин и Е. Тованцова говорят здесь о «цивилизационной репрезентации», ведь элита, по сути дела, отражает интеллектуальное, культурное и функциональное состояние общества [3]. Элита «воспитывается» в неразрывной связи с доминирующей политической культурой, которая многое принимает от национальной культуры. Особый режим функционирования элиты как относительно закрытой группы, может вырабатывать внутри элиты некую отличную атмосферу и ощущение культуры, что, зачастую может объяснять разрывы между доминирующей культурной рамкой и самоощущением политической элиты.

Вместе с тем, в функционировании политической элиты существуют и скрытые моменты, что призывает в помощь исследователю неинституциональный метод. Нет сомнений в том, что качественный состав российского правящего класса по-прежнему зависим от многочисленных теневых практик, что, следуя Д. Норт, обеспечивает деятельность институтов как специфических «правил игры» [4].

Элита всегда определённым образом иерархизирована. Сравнительно-исторический метод показывает динамику конструирования элитных иерархий в государстве. Применительно к современной России в разное время на это обращали внимание Ю. Лотман, М. Восленский и О. Крыштановская. Элиты могли говорить на разных языках. Таким образом, в высших эшелонах

власти поддерживалось двуязычие, масштабировавшиеся в рамках всего государства на его низовых уровнях, о чём говорит А. Юрчак [5].

Изменяясь по форме, властные иерархии не теряли своей сути, поддерживающей политическое неравенство и различный доступ к благам.

Результаты

Можем ли мы быть уверены в том, что именно текущий состав правящего класса современной России, начиная от федерального уровня – и вплоть до нижних этажей политики, реально соответствует цивилизационной модели российского «государева человека». Как некогда отметил германский политический философ Ф. Манов, любая политическая «форма следует за культурой» [6, с. 16]. Данная мысль кажется нам вполне применимой для инструментализации.

Как отмечает уже упоминавшийся нами С. Хантингтон, «центральными элементами любой культуры» являются язык и религия» [1, с. 80]. Принимая во внимание мысль Ф. Манова и точку зрения С. Хантингтона, мы рассмотрим российскую элиту как своеобразную метафору культуры. Накопленные смыслы, ценности, весь выстраданный опыт усваиваются всей нацией, впитываясь в общественную ткань. Историческая и культурная память общества транслируется всем социальным группам. Не являются исключением и элиты, в социальном поведении которых культурные смыслы манифестируются, поднимаясь на должный уровень. В истории России элиты всегда подавали пример, задавали планку, им подражали. В частности, Ю. Лотман отмечал, как ношение мундира военным сословием было обычным делом, и ко многому обязывало в реальной жизни [7].

Присутствие внутри элитной корпорации предполагает решение всеми возможными способами задачи собственной выживаемости – сохранения политической позиции и доступа к ресурсам. Элита может манкировать государственный запрос на соответствие специфическим цивилизационным кодам в отношении каждого чиновника. Новая искренность в отношении государства, как отмечают некоторые исследователи, может вызывать попытку приспособиться, или «элитную хитрость» [8, с. 147].

Благородные порывы государственной души, безусловно, должны быть поняты, но, вместе с тем, нельзя не ориентироваться на прежний опыт России. Если государство апеллирует к традиции, с помощью которой складывался уникальный цивилизационный код, то, оно должно прислушиваться к опыту, накопленному интеллектуальной мыслью. И. Ильин отмечал тщетность любых институтов в изменении человека, в том, что в советском дискурсе получило название «перековка» человека. «Всё великое и священное идёт изнутри – от сердечного созерцания; от глубины – от постигающей и приемлющей любви», – отмечает русский философ. И. Ильин, одобряя тяготение патриотических сообществ России к «восстановлению достойной государственной формы, возобновлению осмысленного хозяйства», тем не менее, замечал невозможность достижения этого без крайне важной скрепы, а именно «личных качеств и тяготения человека» [9, с. 196–199].

Авторы отмечают недостаток инициативы среди российского чиновничества именно в тот момент, когда от них требуется решение, некий риск, авантюра. Есть точка зрения о том, что в современной России некоторые исполнители просто-напросто боятся принять решение. Видимо, в тот самый момент исполнители пребывают в своей самой счастливой минуте, когда отсутствует контроль «сверху». Такое состояние В. Розанов описывает в цикле своих политических эссе, объединённых названием «Когда начальство ушло». Правда, отстаивающий консервативные взгляды на политическое устройство, В. Розанов, отмечает, что «начальство необходимо, как дымовая труба в доме» [10, с. 8].

Иерархичность политического класса в России выглядит объективной и обусловленной культурой. Огромная масса исполнителей собрана в большой пирамиде, сужающейся сверху.

Так конструируется аппаратный массив в Табелях о рангах Петра I, партийной номенклатуре в СССР, соподчинении федеральных и региональных структур. Чиновник в русской культуре традиционно выступает частью политической машины, её заменяемой деталью. Всё государство в России по сути дела представляет собой огромную массу управленцев, исполнителей и статистов на местах. Как отмечает О. Крыштановская, «политический класс владеет государством и распоряжается его ресурсами» [11, с. 53]. Воспроизводя асимметричные отношения между социальными группами, государство «легитимирует их новыми «правилами игры» [12, с. 54].

Коммуникация внутри элиты выглядит довольно сложной и полной коллизий, что «на выходе» снова не даёт должного качества. Государственное тело – сложная масса различных органов, инстанций, ведомств и учреждений, которая развёрнута в политическом процессе. Показательно, что в России всегда находится место для бывших – элитная эскортизация не означает, что та или иная персоналия будет определённо забыта и больше не востребована в политическом процессе. Присутствие в кругу тех, кто, в первую очередь, распределяет блага и определяет пропорции довольствия, означает доступ и к неким выходным гарантиям. Вспомним, как в известном тексте М. Салтыкова-Щедрина отставные генералы служили в «каком-то управлении». В современных политических процессах часто бывают востребованы многочисленные отставники. Какое-то время даже Совет Федерации ФС РФ рассматривался как орган, куда переходят на работы бывшие губернаторы и главы российских городов.

Российская политическая элита, на наш взгляд, именно таким образом, через культурный опыт сохраняет себя в настоящем цивилизационном контексте. Предшествующий культурный опыт воспроизводства элиты в Российской империи или советской номенклатуры выступает для неё неким рамочным установлением. Соответствие нынешней элиты специфическим культурным маркерам и ограничителям кажется нам вполне очевидным. Русская и советская культура в те или иные моменты могла покоиться на таких феноменах, как *страх*, *двуязычие*, *протяжённостью во времени* и *тяготением к определённому стилю*.

Рассмотрим данные феномены по отдельности.

1. *Страх*. В российском чиновничьем классе исторически заронен страх выпасть из иерархии, из пасьянса, страх потерять прежние связи. У Е. Эткинды для описания принципов функционирования иерархических моделей, где на каждом уровне бесправие сочетается с огромными властными возможностями, используется метафора «велосипедиста», который вынужден гнуться под давлением сверху, равно, как и обеспечивать собственное движение путём надавливания на педали [13, с. 21]. Страх перед вышестоящим начальником увеличивает давление на собственных подчинённых. Снова отметим, что между позициями элиты может существовать достаточно внушительная культурная дистанция, обеспечивающая экономические и социальные различия. Так, у коллежского регистратора – героя «Станционного смотрителя» А. Пушкина заезжий ротмистр запросто похищает дочь. Последующие попытки восстановления справедливости не увенчались успехом. Маленькое чиновничество, блестяще описанное А. Чеховым не находит в себе силы для морального противостояния представителям более могущественных социальных страт. Подобная асимметрия присутствует у А. Чехова в большом количестве коротких рассказов («Толстый и тонкий», «Смерть чиновника», «Человек в футляре» и т.д.).

2. *Двуязычие*. В русской культуре представители элитного слоя выступают носителями двуязычия. В официальном дискурсе присутствует подчеркнутая строгость и следование инструкции, в неофициальном, когда, следуя мысли В. Розанова, «начальство уходит», наступает время для того, что антрополог А. Юрчак, называет «перформативным сдвигом» [5]. Так, некоторые представители советского поколения чиновников могли тайно посещать действующие православные храмы.

Русская культура в большей степени обращена в себя. Многие писатели пишут в стол, так как существует большой зазор между официально одобренными стандартами и авторской исповедью. В русской культуре присутствует внушительный теневой, скрытый сегмент социальных, политических и экономических практик. Такие характеристики культуры проецируются и на отдельно взятого человека. М. Бахтин находит определение «внутреннего человека», для которого может быть характерна «естественная субъективность» [14, с. 313]. В полной мере это относится и к представителям чиновничьего сословия. Таковы истории «подпольных» людей Достоевского, «футлярных» людей Чехова, «запертых» людей Д. Хармса. Стремление огордиться и спрятаться от общества присутствует у представителей политического класса России в тот момент, когда оно строит высокие заборы. В современном российском экономическом дискурсе появилось такое словосочетание, как «гаражная экономика», которое как будто бы напоминает нам о том, что проще осуществлять свою экономическую деятельность вне официального контроля.

3. *Протяжённость во времени.* Для России характерно медленное развитие. Время течёт крайне медленно. Письма, отправленные из столицы – на Дальний Восток в Российской империи могли идти целый год. Огромные территории требуют большой массы контролирующих инстанций, ресурсов и непосредственных исполнителей. Отсюда, часто возникают практики дублирования функций, затягивания решений, бюрократической путаницы. Количественные характеристики чиновничьего аппарата России вряд когда-либо понимались, как оптимальные. Для русской культуры может быть характерно длительное ожидание решения, медленного движения документации, выдачи лицензий и справок, долгого стояния в очередях. Вообще, Россия – страна в хронотопах которой время течёт крайне медленно. К разговорам о деле приступают обычно не сразу, а после того, как выполняются многочисленные ритуалы.

4. *Стиль.* Представители политической элиты в русской культуре всегда старались соответствовать определённому стилю. Доступ к власти открывал моральные и материальные преимущества, что находило внутренние и внешние формы собственного доминирования. Стиль заимствовал от культуры её иррациональность – стремление к накоплению и расточительство, утончённость и безвкусице, нравственность и безнравствие, религиозность и атеизм. В русской культуре представители элиты могли выделяться по гардеробным маркерам. Неслучайно, герой гоголевской «Шинели» Башмачкин так стремится пошить себе шинель, которая визуальнo приравняла бы его к чиновничьему сообществу, добавила бы ему важности. В русской культуре, действительно, важно «принимать по одежке», поэтому среди носителей власти оказывается так значим особенный дресс-код.

Выборы элиты периодически продиктовываются зарубежным опытом. Живя в России, российский элитарий, периодически поглядывает за рубеж. Герой «Евгения Онегина» А. Пушкина после европейских путешествий значительным образом реформирует свое усадебное хозяйство, высвобождая крестьян и используя более либеральный режим фискального контроля. Русский дворянин постоянно поддерживал связь с европейской культурой через попытку изучения иностранных языков, репертуары библиотек, образовательные практики, заграничные путешествия. Статусные носители русской культуры не могли не испытывать тоски по мировой культуре, о которой говорил О. Мандельштам. Неизбежное расставание человека с красотой выступало серьёзной проблемой и глубоко переживалось человечеством [15, с. 47].

Современный стиль представителей власти уже не мыслим без демонстрации умений пользоваться гаджетами и управлять ситуацией на дистанции. Постепенно среди представителей политического класса современной России становится модно быть спортивным и пропагандировать здоровый образ жизни. В российских регионах всё чаще устраиваются велопробеги, пробежки, марафоны и полумарафоны. Уровень охваченности населения физкультурой и спортом становится важным показателем эффективности российских губернаторов.

Вместе с тем, следует отметить, что внутри российского политического класса постепенно происходит конфликт поколений, представляющийся, прежде всего, конфликтом стилистическим. Так, российские элитарии, заставшие период СССР, сталкиваются с молодой элитой, являющейся носителем электронной культуры. Федеральные чиновники противостоят региональным, а выборные – назначенным. Причём, на всех представителей политического класса влияет цивилизационная рамка – русская культура требует определённого соответствия.

Нельзя не отметить, что в понимании места и роли российского правящего класса ключевыми акторами и конкретно Президентом РФ происходят серьёзные сдвиги. Элита начинает тесно сопрягаться с необходимостью служения обществу, потому как обратная связь российской политической системы не может не требовать от представителей современной номенклатуры реальной жертвенности во благо государственных интересов. Подобные процессы обещают быть долгими, подтверждаясь ростом количества уголовных дел и преследований в отношении бывших чиновников практически во всех субъектах РФ.

Подтверждение рассуждений автора можно увидеть и в социологических данных. В частности, проведённый ростовскими политологами в 2024 г. межрегиональный экспертный опрос демонстрирует зависимость современных российских политических элит и требований цивилизационного соответствия обществу и государству. Полученные цифры выглядят вполне себе красноречиво. Так, 74,2 % опрошенных экспертов полагают, что будет происходить видоизменение в ценностных ориентациях политических элит современной России [3, с. 151]. Назревшая необходимость изменений признаётся как представителями экспертного сообщества, так и автором данной статьи.

Выводы

Легитимация новых лиц в российской политике, связанных с практиками производства новой героики, с одной стороны, безусловно, даёт обществу сигнал о реальных переменах, о благой годарности власти. Новый класс обладает необходимым потенциалом для принятия нестандартных решений, он прошёл очищение экстремальной реальностью. Важным фактором, корректирующим аппаратные реформы, может стать накопленный исторический и культурный опыт. Именно он выступает базовой установкой, предопределяющей дальнейшие траектории элитного строительства. Цивилизационное соответствие элиты обеспечивается в целом в тот момент, когда выбирается консервативный сценарий и акцентируется внимание на инверсионных возможностях политической системы.

В то же время, в длинном историческом треке могут потребоваться прикладные управленческие навыки, которые не предполагают отношения к обществу, если бы это был гарнизон. Эффективность не всегда предполагает управляемость. Современная российская элита не может существовать исключительно для себя, и быть ориентированной исключительно на проблему собственной легитимации. Наряду с проблемами собственной презентации элиты есть ещё и необходимость обеспечивать безопасность самого государства, равно, как и обеспечивать высокое качество жизни населения. Важным вызовом для российского правящего класса может выступать и высочайшая скорость развития технологий и информационного обмена.

На наш взгляд, важной проблемой легитимации новой политической элиты в России может являться её способность адаптироваться в непривычной для себя камерной, бюрократической атмосфере, требующей многочисленной бумажной и электронной отчётности, а также явно демонстративных практик презентации. Значительное омоложение политической элиты в России служит предпосылкой к тому, что её цивилизационное соответствие может стать только консервативным направлением, в то время, как для других представителей нового класса политических управленцев предпочтительным выбором будет глобальный, транснациональный или трансграничный.

Список источников

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с. EDN: TUPBER. ISBN: 5-17-007923-0.
2. Meisel J.H. *The Myth of the Ruling Class*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1958. 432 p.
3. Старостин А.М., Понеделков А.В., Тованчова Е.Н. Цивилизационная репрезентация элитаобразующего процесса в доктринальном аспекте и в политической практике // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2026. № 1. С. 144–154. EDN FNSZJW.
4. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 180 с. EDN: YQDVYE. ISBN: 5-88581-006-0.
5. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 664 с. ISBN: 978-5-4448-0700-2.
6. Манов Ф. В тени королей. Политическая анатомия демократического представительства. М.: Издательство института Гайдара, 2014. 176 с. ISBN: 978-5-93255-396-1.
7. Лотман Ю. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Азбука, 2017. 608 с. ISBN: 978-5-389-10417-4.
8. Восленский М. Номенклатура. М.: Захаров, 2005. 640 с. ISBN: 5-8159-0499-6.
9. Ильин И. О грядущей России. Избранные статьи. М.: Воениздат, 1993. 368 с. ISBN: 5-203-01598-8.
10. Розанов В.В. Собрание сочинений. Когда начальство ушло... / Сост. П. П. Апрышко и А. Н. Николюкин. М.: Республика, 1997. 671 с. ISBN: 5-250-02612-5.
11. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с. ISBN: 5-8159-0457-0.
12. Скиперских А.В. Иерархии власти: политический стиль в современной России // Политическая концептология. 2023. № 2. С. 53–60. <https://doi.org/10.18522/2949-0707.2023.2.5360>. EDN: JCSMJW.
13. Эткинд Е. Записки незаговорщика. London: Overseas Publications Interchange, 1977. 486 p.
14. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
15. Боров Ю. Эстетика. М.: Политиздат, 1975. 399 с.

References

1. Huntington SP. *The clash of civilization*. Moscow: AST, 2003. 603 p. (In Russ.). ISBN: 5-17-007923-0.
2. Meisel JH. *The Myth of the Ruling Class*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1958. 432 p.
3. Starostin AM, Ponedelkov AV, Tovanchova EN. Civilizational representation of the elite-formation process in the doctrinal dimension and political practice. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2026;(1):144–154. (In Russ.). EDN FNSZJW.
4. North D. *Institutions, Institutional Change, and the Functioning of the Economy*. Moscow: Nachala, 1997. 180 p. (In Russ.). ISBN: 5-88581-006-0.
5. Yurchak A. *It Was Forever, Until It Was No More. The Last Soviet Generation*. Moscow: New Literary Review; 2017. 664 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-4448-0700-2.
6. Manov F. *In the Shadow of Kings. Political Anatomy of Democratic Representation*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House 2014. 176 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-93255-396-1.
7. Lotman Yu. *Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (18th – early 19th century)*. St. Petersburg: Azbuka; 2007. 608 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-389-10417-4.
8. Voslensky M. *Nomenclature*. Moscow: Zakharov; 2005. 640 p. (In Russ.). ISBN: 5-8159-0499-6.
9. Ilyin I. *On the Coming Russia. Selected Articles*. Moscow: Voenizdat; 1993. 368 p. (In Russ.). ISBN: 5-203-01598-8.

10. Rozanov VV. *Collected Works. When the Authorities Left...* / Compiled by P. P. Apryshko and A. N. Nikolukin. Moscow: Respublika; 1997. (In Russ.). ISBN: 5-250-02612-5.
11. Kryshchanovskaya O. *Anatomy of the Russian Elite*. Moscow: Zakharov; 2005. 384 p. (In Russ.). ISBN: 5-8159-0457-0.
12. Skiperskikh AV. Hierarchies of power: political style in modern Russia. *Political conceptology*. 2023;(2):53–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2949-0707.2023.2.5360>. EDN: JCSMJW.
13. Etkind E. *Notes of a Non-Conspirator*. London: Overseas Publications Interchange; 1977. 486 p.
14. Bakhtin M. *Questions of Literature and Esthetics*. Moscow: Fiction; 1975. 504 p. (In Russ.).
15. Borev Yu. *Aesthetics*. Moscow: Politizdat; 1975. 399 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.В. Скиперских – доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина.

Information about the author

A.V. Skiperskikh – Dr. Sci. (Polit.), Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Bunin Yelets State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 29.06.2026; одобрена после рецензирования 13.08.2026; принята к публикации 15.08.2026.

The article was submitted 29.06.2026; approved after reviewing 13.08.2026; accepted for publication 15.08.2026.